

# ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ РЕВОЛЮЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920 – 1930-Х ГОДОВ

Formation of the Artistic Conception of the Revolution  
in the Russian Literature of 1920–1930s

*Алексей Юрьевич Овчаренко*  
*ovtcharenko-1959@yandex.ru*

*Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)*

Alexey Yu. Ovtcharenko  
ovtcharenko-1959@yandex.ru

Russian Peoples' Friendship University (Moscow, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 29.08.2018

Fecha de evaluación: 31.05.2019

*Cuadernos de Rusística Española n° 15 (2019), 149 - 160*

## **РЕЗЮМЕ**

В статье исследуется формирование концепции революции в русской литературе 1920–1930-х годов: от её восприятия и осмысления к воплощению в художественных произведениях. Анализируются факторы, повлиявшие на этот процесс, формулируются общие положения концепции о движущих силах революции, новом герое и его качествах, об обществе и человеке будущего. Представлены точки зрения на эти вопросы различных литературных групп: ВАПП, ЛЕФ, Содружества «Перевал».

*Ключевые слова:* литература 1920–1930-х годов, концепция революции, Содружество «Перевал»

## **ABSTRACT**

The article examines the formation of the conception of revolution in Russian literature of 1920–1930s: from its perception and comprehension to its embodiment in works of art. The factors that influenced this process are analyzed, the general provisions of the concept are formulated about the driving forces of the revolution, about the new hero and his qualities, about the society and the person of the future. Points of view on these questions of various literary groups VAPP, LEF, the writers of Revolution Community "Pereval" are presented.

*Key words:* the literature of 1920–1930s, the conception of the revolution, the writers of Revolution Community "Pereval"

Образ революции, её художественная концепция в русской литературе 1920–1930-х годов – огромная тема, требующая не статьи, а монографии. Необходимо определить хронологические и «географические» рамки статьи: наше внимание обращено на русскую литературу начала 1920-х – первой половины 1930-х годов в России (РСФСР). Корпус исследуемых текстов – произведения «ровесников века», активных участников революции и Гражданской войны, чрезвычайно обширен, поэтому нами взяты писатели и поэты Содружества «Перевал» как одного из ведущих участников литературного процесса тех лет.

В советскую эпоху о художественной концепции революции речь не шла: литературный процесс воспринимался в основном как борьба за социалистический реализм различных литературных групп. Историками литературы описывались различные дискуссии 1923–1931 гг.: о классическом наследии, о партийном руководстве литературой, о «живом» человеке, о «социальном заказе», о творческом методе и т. д. Считалось, что революцию единогласно приняли все пролетарские литературные группы и писатели. В целом это было верно, но на самом деле всё было сложнее: её восприятие даже пролетарскими писателями было различным. Анализировались три наиболее типичные, с точки зрения историков литературы тех лет, модели восприятия Октября 1917-го: «интеллигенция и революция» (А. Блок), «поэт в рабочем строю» (В. Маяковский) и «крестьянский космос и революция» (С. Есенин).

События Октября 1917 г. в сегодняшней российской гуманитаристике анализируются с различных точек зрения. Плодотворны исследования в рамках истории повседневности (Лебина 2015), анализируется роль первого советского медиа – радио – в формировании нового идеологического дискурса (Мурашов 2006). Фундаментальный философско-социологический труд Ю. Слэзкина «Дом правительства. Сага о русской революции» описывает «дом на набережной» и его жильцов как своеобразную модель советского общества (Слэзкин 2019). Журнал «Иностранная литература» выпустил специальный номер «Россия во мгле», посвящённый восприятию «грёзы» русской революции её свидетелями из разных стран (Иностранная литература. 11. 2017). ИМЛИ РАН создал мультимедийный проект о русской революции в литературных источниках (<http://ruslitrev1917.ru/>), в котором период от Февральской революции до 1920 г. включительно представлен в ежемесячном отражении в книгах, статьях и дневниковых записях современников. В книге, посвящённой революционному контексту русской литературы 1917 г., исследуются художественные реакции на события Октября 1917 г. и их влияние не только на творческую практику, но и на формирование новых форм литературной жизни. (Перелом 1917 года 2017). В ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) большой раздел журнала «Русская литература» посвящён различным литературным аспектам революции 1917 г. (Русская литература. 3. 2017)

Историки литературы и философы предлагают новый взгляд на прозу А. Платонова (Никонова 2011: 85–107; Магун 2017), на творчество И. Бабеля, чья «Конармия» вместе с «Тихим Доном» М. Шолохова, «Чевенгуром» А. Платонова и «Доктором Живаго» Б. Пастернака составляет единый текст о русской революции (Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век 2016).

Но, по мнению исследователей с разной общественно-литературной позицией, вершинные произведения эпохи 1920–1930-х годов не связаны с именами молодых пролетарских писателей. Произведения авторов, для которых «служение революции являлось органическим законом творчества», не рассматриваются. Эта точка зрения имеет право на существование, однако, например, Н. Лейдерман справедливо указывал, что сохраняется определённая инерция оценки как самого периода, так и многих писателей тех лет (Лейдерман 2009).

К сожалению, в работах о литературе 1920-х годов всё ещё сохраняются штампы. Ведь понять – значит оценить с точки зрения образа мышления тех лет.

Когда мы говорим об одном из ведущих критиков того времени А. Воронском – гуманист, широко мыслит, не ортодокс, мы должны помнить и его слова из письма Е. Замятину: «благо революции превыше всего, и иных постулатов у меня нет» (De visu. 1992.0.16), а также высказывание В. Шаламова, убеждённого троцкиста, о том, что А. Воронский «был романтический догматик. Никаких других оценок, кроме полезно – не полезно, у А. Воронского по существу не было» (Шаламов <https://shalamov.ru/library/32/4.html>).

Можно ли сказать, что А. Луначарский, В. Полонский, А. Воронский, В. Правдухин как организаторы литературного процесса были «либералами» в литературе? Нет, это тоже штамп времён «оттепели».

Существует и другая тенденция – «смены знаков», когда этим же критикам ставится в вину их якобы излишняя «революционность» (Корниенко 2010).

Дискуссия о терминах, в которых следует говорить о событиях Октября 1917 г., не завершены (Славин, Славина 2017; Великая российская революция 2017). Говоря о революции, следует, на наш взгляд, различать два её этапа: первый – Октябрьский переворот 1917 г. как одномоментный захват власти большевиками, второй – последовавшие за ним революционные изменения во всей жизни России после окончания Гражданской войны: культурная революция, ликвидация неграмотности, коллективизация и индустриализация. Именно эти процессы и были собственно революцией – процессом разрушения всего старого и построения, создания нового – государства, общества, культуры, языка и т. д. Условным окончанием революции можно считать 1936 г., когда «Мировую социалистическую республику» в Конституции СССР сменило определение СССР как социалистического государства, а Октябрьский переворот получил официальное наименование «Великая Октябрьская социалистическая революция».

После 1917 г. «литературный фронт» разделил писателей и поэтов, революция провела между ними «огненную черту» (Б. Эйхенбаум). При общем признании революции и необходимости создания нового искусства на основе её идей литературные противники резко расходились в способах и методах его создания. В ходе этих дискуссий сложились две условные группы писателей: те, кто считал, что художник должен служить революции, отказавшись от свободы творчества, превратив литературу в орудие классового боя, принимая «заказ» от победившего класса, и те, кто хотел служить революции искренне и свободно, не опираясь на понятия классового боя, продолжая гуманистические традиции русской классической литературы.

Одним из главных в литературном процессе 1920-х гг. был вопрос творчества и творческой личности, личности художника и её воплощения в прозе и поэзии новой литературы. Драматично противоположные точки зрения на творчество и на художника были провозглашены в дискуссиях двух самых активных и многочисленных участников литературного процесса 1920–1930-х гг. – Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП) и Содружества писателей революции «Перевал»: противопоставление «социального заказа» и представления о литературе как об оружии в идеологической борьбе ВАПП – ЛЕФ и принципов «искренности» и «моцартианства» «Перевала».

Сама тема революции включала много разных аспектов: её значение для России и для всего человечества, создание нового мира, новой культуры и нового языка,

жертвы во имя революции и увековечение памяти павших, идеалы революции и их сохранение, личность и революция, принципы описания и сохранения памяти об этих событиях.

После 1917 г. литературный процесс изменился: «...новые творческие силы, почти неизвестные ранее, зачастую существовавшие где-то «на периферии» или вообще за пределами искусства, определяют теперь художественную жизнь России, развитие её основных литературных направлений, поэтических школ и организаций» (Меньшутин, Синявский 1964: 38). В этом «половодье в истории» (О. Мандельштам) был, как тогда многим казалось, положительный момент. Но перед «литературным демосом» (А. Воронский) встал вопрос: как писать о революции? Поэтому столь важным был поиск своего собственного поэтического языка. А. Фадеев в своей автобиографии позже писал о себе и своём поколении: «Никому не было известно, какими словами можно выразить в искусстве этот невиданный переворот в жизни, в быту, в сознании людей» (Фадеев 1957: 801).

О художественном осмыслении, эстетизации революции в творчестве пролетарских писателей можно говорить только начиная с 1921–1922 гг., когда закончилась Гражданская война и были изданы своеобразные антологии канонических текстов об этой эпохе (Октябрь в литературе 1924). Все те, кто создавал феномен советской литературы, особенно поколение 1900-х гг., ещё не могли полностью осознать значение революции. Лишь пройдя Гражданскую войну, они стали закреплять свой небывалый, трагический опыт в стихах и прозе.

Художественная концепция революции складывалась в течение первых мирных лет. Складывалась довольно стихийно, под влиянием таких факторов, как переход к мирной жизни участников революции и Гражданской войны, введение нэпа, создание нового интеллектуального пространства.

Одним из важных факторов была реакция на возвращение к мирной жизни «ровесников века» (поколения 1899 – начала 1900-х годов). Вернувшись с фронтов Гражданской войны, они пережили травму адаптации. Одни пролетарские писатели и поэты остались в прошлом и не приняли нэп (В. Кириллов и М. Герасимов вышли из партии, В. Александровский переживал глубокий кризис и т. д.). Общим при этом было и разочарование – «Крашено рыжим цветом, а не красным время» (Асеев 1924: 13). Другие авторы пытались встроиться в новые условия существования, понять и оправдать новую реальность. Натуралистически ярко и почти буквально описывает это Э. Багрицкий в своём стихотворении «Вмешательство поэта» (скрытый спор с перевальским критиком А. Лежневым): любитель и знаток птиц, он уподобляет себя петуху, теряющему с болью и кровью старые перья, взамен которых вырастает новое оперение – «Приходит время зрелости суровой», поэтому «Довольно бреда, / Время для труда!» – обращается он к своим новым героям, «механикам, чекистам, рыболодам». Но всё же расставание с прежними идеалами даётся нелегко: Э. Багрицкий празднует победу, но перо поэта-романтика погибло (Багрицкий 1986: 249–252).

Фактором, вызвавшим переосмысление романтических идеалов революции, стало введение нэпа («гримасы нэпа»). Первые книги были посвящены «вечным конфликтам» между долгом и чувством: «Щепка» и «Бледная правда» (обе – 1923) В. Зазубрина, «Шоколад» (1922) А. Тарасова-Родионова, «Неделя» (1925) Ю.

Либединского, «Григорий Пугачёв» (1925) А. Явича и мн. др. Занимала эта тема и писателей другой культурной формации – «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1922) И. Эренбурга.

Герой рассказа перевальца Б. Губера «Осколки» Фомин, «комиссар, продармеец и коммунист, нисколько и ни в чём как будто не изменившись, стал вдруг беспартийным», и теперь он вынужден «стоять в кассе социального страхования, в длинной очереди за получением пособия». Рябов, тоже бывший комиссар, теперь кларнетист в ресторане. Все они лишь осколки разбившегося идеала революции, раздавленные её же, революции, «тяжёлой пяткой» (Л. Леонов) (Губер 1928: 11–12).

Этот протест против предательства прежних идеалов боевого товарищества находим и в стихах В. Маяковского («Который из них», 1929). Даже Демьян Бедный, вслед за В. Маяковским, не может не «отдаться власти чёрных дум». В стихотворении «Печаль» (1920) он с грустью говорит о «бодрой маске, ...сросшейся с лицом» и о «сплошной красной краске», которой он «пишет и небо, и забор» как о попытке скрыть свои сомнения и от «вражьего стана», и от себя самого (Бедный 1921: 97–98).

Вопрос стоял так: как выжить в новом мирном времени, как сохранить романтику революции и чувство боевого товарищества? Они были нужны для защиты от стресса перехода к мирной жизни, когда одним из способов спасения себя был этот пассивизм, постоянное обращение к боевым дням, своеобразный «заградительный миф» (Д. Хапаева). Это была одна из составляющих романтической концепции революции («высокая чистота», «боевое товарищество», «горизонты социализма» у перевальцев Н. Зарудина и С. Пакентрейгера), которая прошла через время и актуализировалась сначала в творчестве ифлийских поэтов, мечтавших «умереть в боях», но «дойти до Ганга» (П. Коган), потому что для них коммунизм опять был «так же близок, как в девятнадцатом году» (М. Кульчицкий). Позже, во время «оттепели», А. Вознесенский, поэтический наследник футуристов, требовавших «Не торговать Лениным», призывал «Уберите Ленина с денег / Он для сердца и для знамён».

Создавались новое общее интеллектуальное пространство, новая историческая память и новая мифология. Всё это было новым в полном смысле слова: лидер российских историков тех лет М. Покровский даже предлагал вести новое летоисчисление от Октября 1917 г.

Монументализация истории Гражданской войны и её коррекция была реакцией на упаднические в прямом смысле настроения. Созданные в начале 1920-х ИСПАРТ (Комиссия по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) и ИСТМОЛ (Комиссия по изучению истории ВЛКСМ и юношеского движения в СССР) собирали документы, в том числе и личные воспоминания, для создания общего языка описания революции и Гражданской войны. Комсомол вспоминал революцию и Гражданскую войну для того, чтобы объединить молодёжь вокруг общей героической памяти не только как пример, но и как источник вдохновения и образец для подражания (Frederick C. Corney 2004). А. Воронский писал о пробудившемся интересе к недавней истории: «пережитая полоса революции не нашла своих бытописателей, мемуаров и историков, но ведь мы присутствуем при начале этого процесса – пробуждения интереса к прошлому. Лиха беда начать; первые шаги уже сделаны, и

можно полагать, что нас, большевиков и непосредственных участников революции, не придется "открывать" впоследствии». (Воронский 1922: 342).

Творцами новой революционной мифологии были сами участники революции, пролетарские поэты и писатели. Вполне естественно, что ими заимствовались старые мифологические образы. Распространённым было представление о революции как о половодье. Но если Г. Федотов писал, что прорвало все плотины и затопило страну (аналогия со всемирным потопом, посланным за грехи), то перевалец Н. Зарудин говорил о «полноводном разливе», «тёплой влаге», явно сравнивая революцию с весенним разливом после зимы.

Важным был и евангельский образ зерна: не только у В. Ходасевича «И ты, моя страна, и ты, её народ, / Умрёшь и оживёшь, пройдя сквозь этот год, / Затем, что мудрость нам единая дана: / Всему живущему идти путём зерна» (Ходасевич 1989: 94). Он встречается даже у комсомольского поэта Д. Алтаузена: «...Пусть пространства лежат между нами / Это лишь прорастает зерно / Через снег, через лёд, через камень» (Алтаузен 1935: 48). Перевальцы говорили о том, что они идут по семенам и по праху, а их эпоха – это груды неразобранных зёрен.

Определим теперь общие положения этой концепции. Перед писателями стояли вопросы, ответы на которые и составляли эту концепцию.

**Каковы были движущие силы революции, кто её совершил: массы или личность?** Осмысление этого прошло путь от массы – «Два мира» В. Забурнина, «множества» (Красная армия) и «последние» (войска белых) в «Падении Даира» (1923) А. Малышкина, «кожаные куртки» в «Голом годе» (1922) Б. Пильняка и «Железном потоке» (1924) А. Серафимовича – к живому человеку, слабому физически, но движимому силой революционного духа – Лейзеров в повести «Хабу» (1925) Вс. Иванова, Левинсон в «Разгроме» (1927) А. Фадеева, Журавлёв в «Сердце» (1929) И. Катаева.

У этого вопроса была и другая сторона: **кто главный герой: человек или партия?** «Бытописатели» партии А. Безыменский и Ю. Либединский считали, что главный герой эпохи – это партия коммунистов. В. Маяковский посвятил свою поэму «Владимир Ильич Ленин» (1924) Российской коммунистической партии.

На вопрос «**кто же он, новый герой?**» ответил А. Воронский: новый герой – это коммунист, «стрежневая фигура эпохи». Вопрос о главном герое новой литературы был очень важным. **Каков он?** «Железное время делать железным людям», как говорил левовец С. Третьяков? Эмоции должны измеряться манометром и таксометром, как считал пролеткультовец А. Гастев?

В противовес «кожаным курткам» Б. Пильняка, «простому кирпичу в стене» (Николай Курбов у И. Эренбурга), «гайкам в великой спайке» необыкновенно популярной тогда «Синей блузы», в литературе был поставлен живой человек. У И. Катаева это был подвижник, почти бесплотный Александр Журавлёв («Сердце»), у Ю. Олеси – колбасник Андрей Бабичев, поющий по утрам в клозете («Зависть»). Каким должно быть его сердце: маленьким, равнодушным или вмещающим все беды мира и разрывающимся от невозможности их вместить? Идеологи партии также были заинтересованы в том, чтобы коммунисты представляли «не статистической средней на двух ногах, не индексом, не параграфом и не абзацем революции по текущему моменту» (Бухарин 1927: 1).

И. Катаев, Л. Леонов, Вс. Иванов, А. Фадеев и др., вышедшие из «огня гражданской войны», создали образы коммунистов, которые у вапповцев (как «официальных представителей» партии коммунистов в литературе) вызывали очень много критических замечаний своей противоречивостью. Надо отметить, что А. Фадеев, один из руководителей МАПП, также скептически относился к литературным типам коммунистов, созданных по трафарету: «...тип так называемого железного коммуниста в кожаной куртке или без неё, с челюстью железной, или не совсем железной, но около этого... (Глеб Чумалов) ...тип коммуниста, специальностью которого является разлагаться под влиянием нэпа, обычно с участием зловредной женщины... У нас есть целая серия неунывающих комсомолок и комсомольцев с кимовскими значками (КИМ – Коммунистический интернационал молодёжи – А. О.) или без значков, но всё это сущие близнецы, копирующие друг друга». (Фадеев 1927: 6).

Многих волновала проблема соответствия методов целям революции. Кто человек в революции: главное лицо или только материал, щепка? И здесь возникает вопрос о жестокости и гуманизме. **Можно ли оправдать жестокость стремлением к высшей цели?** Можно, считали одни, например, Д. Фурманов писал: «Все средства допустимы, если вы честный, бескорыстный революционер и работаете единственно для трудящейся массы. Пусть ещё прольются целые потоки крови – она очищает, искупительная кровь. Ведь, в сущности, безразлично, сколько человек погибнет: один или сто. Это неизбежно, то есть массовое страдание при массовой борьбе. Это и лучше, так как сознание солидарности утишает человеческую боль» (Фурманов 1961:111). Но не все были согласны мириться с этим. В произведениях многих писателей отразился кризис «революционной веры», когда даже вера самых пламенных борцов не выдерживает испытаний. Целый ряд героев кончают жизнь самоубийством: Сергей Суриков («Неделя» Ю. Либединского), Автоном Пересветов («Причины происхождения туманностей» (1929) А. Новикова), Саша Дванов («Чевенгур» (1927) А. Платонова), Николай Курбов («Жизнь и гибель Николая Курбова» И. Эренбурга), Срубов («Щепка» В. Зарубина) и Зудин («Шоколад» А. Тарасова-Родионова).

Важной частью концепции было также выраженное в литературе **представление о революции как о процессе**: от «мировой революции» и «перманентной революции» Л. Троцкого до борьбы со «стабилизационными настроениями» как в самом начале (Лелевич 1927: 93–105), так и в конце нэпа. Как пример можно привести творческие, фактически общественно-литературные принципы «движения революции во времени» и «движничества» из деклараций Содружества «Перевал» 1927 и 1930 гг.

Очень важным также был вопрос, **каким должно быть будущее общество**. И здесь не было полного согласия ни в партийной элите, ни в творческой среде. После 1917 г. утопический образ будущей России возникал в произведениях таких разных авторов, как В. Кириллов («Первомайский сон»), А. Чаянов («Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии»), Я. Окунев «Грядущий мир. 1923–2123», А.Н. Толстой «Голубые города», Я. Ларри («Страна счастливых») и др. Эти и другие книги переизданы и достаточно полно исследованы (Павлова 2005).

Общеизвестны и антиутопии, критически рисующие будущее коммунистическое общество, выявляющие тоталитарный потенциал воплощённых идей большевизма:

Е. Замятин «Мы», А. Платонов «Котлован» и «Чевенгур», М. Козырев «Ленинград». В первой редакции романа Л. Леонова «Вор» мы находим гораздо менее известное описание общества будущего словами одного из героев – преддомкома Чикилёва: «В будущем государстве, которое придёт через тысячу лет, не может быть никаких тайн. Каждый, заметьте, может прийти ко всякому и наблюдать его жизнь во всякий момент дня и ночи... За человеком следить надо, человека нельзя без присмотра оставлять... Если б, скажем, был я начальником земного шара, каждому человеку надел бы на голову машинку такую с лентой, как на телеграфе. Утром приставленный чиновник прочитывает и резолюцишку кладёт... Мысль – вот источник страдания. Того, кто истребит мысль, вознесёт человечество в памяти своей...» (Леонов 1927: 24)

**Каким должен быть человек будущего?** В концепцию революции входила и концепция личности. Мнения ведущих литературных групп были иногда противоположными. По мнению ВАПП и ЛЕФ, это должен быть «лишь один из членов большой коммунистической семьи» (Керженцев 1921:13), «народный аноним», носящий не имя, а индекс (Гастев 1919:75; Гастев 1924:7).

На самом деле, во многом новый человек у ВАПП и ЛЕФ был развитием и продолжением идей Пролеткульта и его идеолога А. Гастева. Именно из этих идей вырастает левовский человек, вернее, «человеческий материал» (Б. Арватов) – «волевик», «ясноголовый, трезвый, дисциплинированный, умелый, хорошо оборудованный (словно речь идёт о машине – А. О.) строитель» (Третьяков 1927: 9) и классовый человек ВАПП – «герой труда». Для ВАПП главным было показать процесс формирования нового сознания, характеризующегося классовой ненавистью, товарищеской солидарностью, «яростной и радостной борьбой» с прошлым.

И. Катаев же, ведущий прозаик «Перевала», был убеждён, что люди войдут в «светлое будущее» «...грамотными, трезвыми, умными, трудолюбивыми, научившимися беречь своё стройное тело, – свободные от чувства низменной собственности, национальной ненависти, семейной кабалы». Но не многих, кроме перевальцев, волновало, каким будет человек в этой обетованной земле: «сохранит ли он богатство и тонкость души», будет ли он «отличен от других людей». Для перевальцев было важно, «чтобы человек, приобретя мир, не потерял самого себя». (Советская литература... 1933: 96)

Таким образом, мы хотели показать развитие художественной концепции революции. От восприятия революции («Моя революция» В. Маяковский) к её осмыслению («За что боролись?» и «Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались?» М. Светлов) и воплощению (отказ от прежней романтики Э. Багрицкого, «рядовые революции» А. Суркова и пр.), к трагедии непонимания и неприятия мирной жизни. Мы представили общие вопросы, ответы на которые и сформировали, на наш взгляд, общее видение революции, её художественную концепцию. Эта концепция не была единой для всех участников литературного процесса 1920–1930-х гг.

Сегодня происходит её переосмысление (подчёркнём, что 2017 год – год столетия революции, в России широко не отмечался) и определённое «опрощение», т. е. снижение уровня канонического величия и монументальности. Приведём как пример мультимедийный проект М. Зыгаря «1917. Свободная история», в котором каждый может стать участником событий, вступить в диалог с историческими личностями

и т. п. Революция теряет свою сакральность, становится частью медиапространства. При этом выбор своеобразных точек опоры в историческом прошлом России ещё не завершён. Перевалец А. Новиков писал, что жизнь продолжается и создаёт новые сюжеты и фабулы.

А. Воронский говорил, что искусство прошлого – не мёртвые знаки, они полны живого смысла. Именно этот живой смысл будет нужен последующим поколениям, чтобы лучше понять себя в настоящем и не повторять ошибок прошлого.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- АЛТАУЗЕН, ДЖ. (1935): Разлука. В кн.: *Ода молодости*. Москва. Молодая гвардия.
- АСЕЕВ, Н. (1924): Лирическое отступление: Дневник в стихах. *ЛЕФ*. 2.
- БАГРИЦКИЙ, Э. (1986): Вмешательство поэта. В кн.: Багрицкий Э. *Стихотворения и поэмы*. Пермь. Пермское книжное издательство.
- БЕДНЫЙ, ДЕМЬЯН. (1921): Печаль. *Красная новь*. 3.
- БУХАРИН, Н. (1927): Злые заметки. В кн.: *О писательской этике, литературном хулиганстве и богеме*. Ленинград. Прибой.
- (2017): *Великая российская революция, 1917: сто лет изучения*. Москва. Институт российской истории Российской академии наук.
- ГАСТЕВ, А. (1919): Контуры пролетарской культуры. В кн.: Гастев А. *Индустриальный мир*. Харьков. Всеукраинский наркомат просвещения.
- ГАСТЕВ, А. (1924): *Новая культурная установка*. Москва. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.
- ГУБЕР, Б. (1928): Осколки. В кн.: *Перевал*. 6. Москва. Государственное издательство.
- (2016): *Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век*. Москва. Книжники.
- КАТАЕВ, И. И. (1957): Поэт. *Избранное*. Москва. Государственное издательство художественной литературы.
- КЕРЖЕНЦЕВ, П. (1921): *К новой культуре*. Петербург. Государственное издательство.
- КОРНИЕНКО, Н.В. (2010): «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. Москва. Институт мировой литературы Российской академии наук.
- ЛЕЛЕВИЧ, Г. (1927): Пути и перепутья (стабилизационные настроения в литературе). В кн.: *Удар*. Москва. Новая Москва.
- ЛЕЙДЕРМАН, Н. (2009): О «белых пятнах» и мифах в истории русской литературы советской эпохи (1920-е годы). *Филологический класс*. 21.
- ЛЕЙДЕРМАН, Н.Л., БАРКОВСКАЯ, Н.В., ВАСИЛЬЕВ, И.Е. (2012): *Русская литература XX века: 1917 – 1920-е годы*. Москва. Академия.
- ЛЕОНОВ, Л. (1927): Вор. *Красная новь*. 4.
- МЕНЬШУТИН, А., СИНЯВСКИЙ, А. (1964): *Поэзия первых лет революции*. Москва. Наука.
- (1924): *Октябрь в литературе*. Москва. Известия Центрального исполнительного комитета и Всероссийский центральный исполнительный комитет СССР.
- МАГУН, А. (2017): *Скрытая теплота революции. Поэтика Андрея Платонова*. Москва. Полимедиа.

- МУРАШОВ, Ю. (2006): Электрифицированное слово: Радио в советской литературе и культуре 1920–30-х годов С. 17–38. В кн.: *Советская власть и медиа*. Санкт-Петербург. Академический проект.
- НИКОНОВА, Т.А. (2011): *Революция в понимании героев романа «Чевенгур»*. В кн.: Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011.
- ПАВЛОВА, О.В. (2005): *Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры*. Волгоград: Волгоградское научное издательство.
- «ПЕРЕВАЛ» И ИСКУССТВО НАШИХ ДНЕЙ, (1930): *Литературная газета*. 21 апреля. *Перевальцы*, (1930). Антология. Москва. Федерация.
- (2017): *Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы*. Исследования и материалы. Москва. Институт мировой литературы Российской академии наук.
- СЛАВИН, Б.Ф., СЛАВИНА, В.А. (2017): О мифах Октября, советской истории и культуры. В кн: *Русская революция 1917 года в современной гуманитарной парадигме. Материалы XXII Шешуковских чтений*. Москва. Московский педагогический государственный университет.
- ПИСЬМО Е.И. ЗАМЯТИНА А. К. ВОРОНСКОМУ (1992): *De visu*. 0.
- СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА НОВОМ ЭТАПЕ. СТЕНОГРАММА ПЕРВОГО ПЛЕНУМА ОРГКОМИТЕТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (29 ОКТЯБРЯ –3 НОЯБРЯ 1932) (1933): Москва. Советская литература.
- (2017): *Русская литература*. К столетию русской революции. 3.
- ТРЕТЬЯКОВ, С. (1927): Новый ЛЕФ (Письмо из Москвы). *Жизнь искусства*. 4
- ТРОЦКИЙ, Л.Д. (1924): Новый курс. Москва. Красная новь.
- ХОДАСЕВИЧ, В.Ф. (1989): Путём зерна. В кн.: *Стихотворения*. Ленинград. Советский писатель.
- ШАЛАМОВ, В. (2009): Александр Константинович Воронский. URL: <https://shalamov.ru/library/32/4.html> Дата обращения: 24.08.2018.
- ФАДЕЕВ, А. (1927): Творческие пути пролетарской литературы. *На литературном посту*. 11.
- ФАДЕЕВ, А. (1957): За тридцать лет. *Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве*. Москва. Советский писатель.
- ФУРМАНОВ, Д.А. (1961): *Полн. собр. соч. В 4 томах*. Москва. Художественная литература. 4.
- CORNEY, FREDERICK C. (2004): *Telling October. Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaka. Cornell University Press.

## BIBLIOGRAPHY

- ALTAUZEN, DZH. (1935): Razluka. V kn.: *Oda molodosti*. Moskva. Molodaya gvardiya.
- ASEYEV, N. (1924): *Liricheskoye otstupleniye: Dnevnik v stikhakh*. LEF. 2.
- BAGRITSKIY, E. (1986): *Vmeshatel'stvo poeta*. V kn.: Bagritskiy E. *Stikhotvoreniya i poemu*. Perm'. Permskoye knizhnoye izdatel'stvo.
- BEDNYI, DEM'YAN. (1921): *Pechal'*. Krasnaya nov'. 3.

- BUKHARIN, N. (1927): Zlyye zametki. V kn.: O pisatel'skoy etike, literaturnom khuliganstve i bogeme. Leningrad. Priboy.
- (2017): Velikaya rossiyskaya revolyutsiya, 1917: sto let izucheniya. Moskva. Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk.
- CORNEY, FREDERICK C. (2004): Telling October. Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaka. Cornell University Press.
- FADEYEV, A. (1927): Tvorcheskiye puti proletarskoy literatury. Na literaturnom postu. 11.
- FADEYEV, A. (1957): Za tridsat' let. Izbrannyye stat'i, rechi i pis'ma o literature i iskusstve. Moskva. Sovetskiy pisatel'.
- FURMANOV, D.A. (1961): Poln. sobr. soch. V 4 tomakh. Moskva. Khudozhestvennaya literatura. 4.
- GASTEY, A. (1919): Kontury proletarskoy kul'tury. V kn.: Gastev A. Industrial'nyy mir. Khar'kov. Vseukrainskiy narkomat prosveshcheniya.
- GASTEY, A. (1924): Novaya kul'turnaya ustanovka. Moskva. Vsesoyuznyy tsentral'nyy sovet professional'nykh soyzov.
- GUBER, B. (1928): Oskolki. V kn.: Pereval. 6. Moskva. Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- (2016): Isaak Babel' v istoricheskom i literaturnom kontekste: XXI vek. Moskva. Knizhniki.
- KATAYEV, I. I. (1957): Poet. Izbrannoye. Moskva. Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
- KHODASEVICH, V.F. (1989): Putom zerna. V kn.: Stikhotvoreniya. Leningrad. Sovetskiy pisatel'.
- KERZHENTSEV, P. (1921): K novoy kul'ture. Peterburg. Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- KORNIYENKO, N.V. (2010): «Nepovskaya ottepel'»: stanovleniye instituta sovetskoy literaturnoy kritiki. Moskva. Institut mirovoy literatury Rossiyskoy akademii nauk.
- LELEVICH, G. (1927): Puti i pereput'ya (stabilizatsionnyye nastroyeniya v literature). V kn.: Udar. Moskva. Novaya Moskva.
- LEYDERMAN, N. (2009): O «belykh pyatnakh» i mifakh v istorii russkoy literatury sovetskoy epokhi (1920-ye gody). Filologicheskiy klass. 21.
- LEYDERMAN, N.L., BARKOVSKAYA, N.V., VASIL'YEV, I.Ye. (2012): Russkaya literatura KHKH veka: 1917 – 1920-e gody. Moskva. Akademiya.
- LEONOV, L. (1927): Vor. Krasnaya nov'. 4.
- MEN'SHUTIN, A., SINYAVSKIY, A. (1964): Poeziya pervykh let revolyutsii. Moskva. Nauka.
- (1924): Oktyabr' v literature. Moskva. Izvestiya Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta i Vserossiyskiy tsentral'nyy ispolnitel'nyy komitet SSSR.
- MAGUN, A. (2017): Skrytaya teplota revolyutsii. Poetika Andrey Platona. Moskva. Polimedia.
- MURASHOV, YU. (2006): Elektrifitsirovannoye slovo: Radio v sovetskoy literature i kul'ture 1920–30-kh godov S. 17–38. V kn.: Sovetskaya vlast' i media. Sankt-Peterburg. Akademicheskii proyekt.
- NIKONOVA, T.A. (2011): Revolyutsiya v ponimanii geroyev romana «Chevengur». V kn.: Andrey Platonov v dialoge s mirom i sotsial'noy real'nost'yu. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2011.
- PAVLOVA, O.V. (2005): Russkaya literaturnaya utopiya 1900–1920-kh gg. v kontekste otechestvennoy kul'tury. Volgograd: Volgogradskoye nauchnoye izdatel'stvo.

- «PEREVAL» I ISKUSSTVO NASHIKH DNEY, (1930): Literaturnaya gazeta. 21 aprelya. Pereval'tsy, (1930). Antologiya. Moskva. Federatsiya.
- (2017): Perelom 1917 goda: revolyutsionnyy kontekst russkoy literatury. Issledovaniya i materialy. Moskva. Institut mirovoy literatury Rossiyskoy akademii nauk.
- SLAVIN, B.F., SLAVINA, V.A. (2017): O mifakh Oktyabrya, sovetskoy istorii i kul'tury. V kn: Russkaya revolyutsiya 1917 goda v sovremennoy gumanitarnoy paradigme. Materialy XXII Sheshukovskikh chteniy. Moskva. Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet.
- PIS'MO Ye.I. ZAMYATINA A. K. VORONSKOMU (1992): De visu. 0.
- SHALAMOV, V. (2009): Aleksandr Konstantinovich Voronskiy. URL: <https://shalamov.ru/library/32/4.html> Date of access: 24.08.2018.
- SOVETSKAYA LITERATURA NA NOVOM ETAPE. STENOGRAMMA PЕРVOGO PLENUMA ORGKOMITET SOYUZA SOVETSKIKH PISATELEY (29 OKTYABRYA –3 NOYABRYA 1932) (1933): Moskva. Sovetskaya literatura.
- (2017): Russkaya literatura. K stoletiyu russkoy revolyutsii. 3.
- TRET'YAKOV, S. (1927): Novyy LEF (Pis'mo iz Moskvyy). Zhizn' iskusstva. 4
- TROTSKIY, L.D. (1924): Novyy kurs. Moskva. Krasnaya nov'.